

© 1990 г.

ПРОСКУРИН С. Г.

О ЗНАЧЕНИЯХ «ПРАВЫЙ - ЛЕВЫЙ» В СВЕТЕ
ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Впервые слова со значением «правый» и «левый» на материале древнегерманских языков были исследованы в фундаментальном труде Я. Гримма [1], многие из наблюдений и обобщений которого сохраняют свою актуальность и по настоящее время. В начале главы под названием «Прагое и левое» (первом опыте синтеза идей сравнительно-исторического языкознания и семасиологических разысканий в области словаря культуры) читаем, что, по мнению автора, существует «...одно понятие, чье смысловое происхождение по существу полностью обязано переходу от естественного к отвлеченному. Представления о правом и левом распространяются с тела человека, его строения на окружающее пространство» [1, с. 680]. Сравнительный анализ позволяет с относительной строгостью выделить три основных направления исследовательских задач: 1) сопоставительный аспект («Язык»); 2) дейксис («Язык» — «Пространство»); 3) лингвокультурный аспект («Язык» — «Пространство» — «Культура»). Такое расслоение тематики обуславливается спецификой изучаемого материала: координата «правое» — «левое» является одной из базовых основ связи пространства и тела в большинстве культурных традиций. «Надфизиологическая культура (в данном случае представления о внешнем мире, Вселенной и специально о пространстве) в своих истоках оказывается мотивированной физиологическим аспектом человеческой жизни, конкретно — телом как „малым миром“» [2, с. 245].

В настоящей статье предпринимается попытка комплексного подхода к изучению данных проблем на ограниченном и компактном материале словоупотреблений «правый», «левый» в древнеанглийских письменных памятниках. Несмотря на то, что семантика слов «правый», «левый» изучена достаточно подробно на материале различных языков и культур, исследования отдельно взятой конкретной традиции, относящейся к одному этносу и одному синхронному срезу, нацеленные на объяснение не универсальных, а уникальных особенностей, в этом смысле крайне необходимы [3].

В предпринимаемом историко-семасиологическом разыскании основная роль отводится филологическому принципу, заключающемуся в контекстуальном анализе письменных, «социально-принятых» текстов, в данном случае всех англосаксонских памятников древнеанглийского периода (VI—XII вв.) вне зависимости от их диалектных и функционально-стилистических особенностей. Как справедливо отмечают А. Рей и С. Далесаль, «истинная филология, стремящаяся воссоздать духовную культуру и знания языкового коллектива по текстам, бытующим в разных сферах общественной жизни, не исключает из своего рассмотрения никакие из этих текстов, или, говоря точнее, принимает во внимание все, что она может использовать для своих целей» [4, с. 267—268]. При этом контекст трак-

туется достаточно широко, как непосредственное окружение слова и как его реально существующие связи в пределах более крупных единств. По существу, через контекстуальный анализ можно прийти к синтезу основных направлений рассматриваемой проблематики в рамках социальной семиотики текстов. «Филологический» анализ позволяет уточнять Этимологию, способствует выбору правильной стратегии в семантической реконструкции, является ключевым моментом в рассмотрении дейсиса и лингвокультурной традиции. Кроме того, данный подход отвечает современным достижениям исторической семасиологии, характеризующейся переходом от изучения понятий (Begriffsgeschichte) к истории форм общественного сознания (Bewußtseinsgeschichte) [5, 6].

Сказанное предполагает рассмотрение лексической семантики в диахронии как отражение исторически обусловленного коллективного опыта коммуникантов. Выбор корпуса текстов в данной парадигме рассматривается как интерпретативный акт, который из (фиктивного) множества всего материала извлекает отдельные тексты, а из них отдельные высказывания и, в конце концов, приводит к установлению собственного, нового дискурса [6]. При этом выделяется следующая последовательность уровней анализа: 1) анализ отдельно взятого коммуникативного акта, 2) анализ отдельного текста, 3) анализ глубинных тематических структур, лежащих в основе отдельных актов и текстов, 4) анализ культурной парадигмы эпохи, включая логические принципы, категории пространства и времени и т. д. Контекстуальный анализ, последовательно проведенный на всех уровнях, позволяет описать коллективный тезаурус (смысловую систему) англосаксонской культурной общности людей в определенную историческую эпоху (средневековье).

Среди сопоставительных исследований лексем «правый» и «левый» особое значение имеют работы, связанные с проблемой реконструкции праформ [7–9]. Их анализ показал существенные расхождения между имеющимися лингвистическими данными, с одной стороны, и полученными результатами, представленными в различных глоссариях, с другой. Так, в третьей части четвертого издания «Сравнительного словаря индогерманских языков» А. Фика (1909), опубликованного под названием «Словарь протогерманского языкового единства» (составители А. Торп, Х. Фальк), приводятся две возможные протогерманские формы со значением «левая»: **hleiduma*, **venistra*, но при этом там отсутствует упоминание о средствах выражения понятия «правый» [7]. «Семантический словарь общиндоевропейского языка» Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, напротив, описывая лексико-семантическую систему индоевропейского праязыка в целом, отмечает невозможность реконструкции общиндоевропейской праформы в значении «левый» ввиду ее частого табуирования в отдельных диалектах. В то же самое время констатируется почти полное единообразие лексем в значении «правый» [10]. Таким образом, помимо собственно реконструкции протогерманских форм с соответствующими значениями существует проблема увязки и согласования семантической информации, получаемой из разных источников. Некоторые ученые справедливо считают, что словарь А. Фика отражает уровень знаний о протогерманском и его лексиконе, имевшийся в период написания этого словаря, и сейчас большая часть приводимых там без комментария этимологии не является допустимой в современных этимологических разысканиях, которые требуют большей грамматической и семантической информации. Особое значение необходимо уделять филологическому анализу текстов для сбора полной документации.

В основе наименования правой и левой руки (стороны) в древнегерманских языках находятся признаки, определяющие физиологическое, функциональное, пространственное различие, существующее между ними. Так, самым распространенным словом в значении «правый» на протяжении всего древнеанглийского периода было прилагательное *swidra* (букв, «сильнее»), образованное от формы сравнительной степени прилагательного *swid* «сильный». Этот словообразовательный процесс обусловил аномальный характер данной лексемы, формально утратившей способность к образованию независимых форм сравнительной и превосходной степени. Формальная мотивированность, заключающаяся в выборе специфической грамматической формы для выражения понятия «правый», относится к типологически общей черте древнегерманских языков.

Содержательная мотивированность наименования правой руки как превосходящей левую сводится, естественно, к различению рук человека, которые в норме характеризуются физиологическим различием способностей. Правая рука воспринимается как наиболее активная, функционально основная, с которой естественным образом связывается понятие «положительного» и «благоприятного» в противоположность более пассивной левой руке, уступающей правой во всех основных функциях [10]. Известно, что во многих индоевропейских лингвокультурных традициях, в том числе и в древнегерманской, правая и левая рука именуется также с точки зрения того, какими предметами они манипулируют. Например, у Гомера Ахиллес называет правую руку *fiooir.a.kxo-* «метающая копье», галльское имя *cledd*, помимо левой руки, обозначало меч, обычно подвешивавшийся слева на пояс. Дialeктные норвежские слова *orvhand*, *aarhand*, *aarekjeiva* «левая рука», при др.-исл. *orvendr* «левша», этимологически соотносятся с норвежским *or/* «коса» (которой косят) [1, 8, 9, 11]. Корнелий Тацит, описывая тактику германской конницы, отмечает: «Их (коней. — П. С.) гонят либо прямо вперед, либо с уклоном вправо». Данный маневр связывался в военном искусстве с тем, что левый бок всадника был прикрыт щитом, когда в правой руке держалось копье» [12, с. 356] [ср. наименования мужского пола в древнеанглийском: *waepned-hand* (букв, «вооруженная рука») или *spere-healf* (букв, «копье-сторона») [13].

Издавна в большинстве культурных традиций правая рука выступает в качестве мужского символа по сравнению с левой — женской [14—16]. В древнеанглийском языке данная ассоциация иллюстрируется не только семантической мотивировкой *swidra*, но и контекстами памятников [17], где правая рука часто описывается как агрессивная, держащая меч¹: *Swaperf sige mece mid faere swi]ran hand* (Crī. 1531)² «Взмахнул победоносным мечом в правой руке». В ранних памятниках древнеанглийской ли-

¹ Меч был относительно редким оружием, как правило, находившимся на вооружении наиболее знатных германцев [13]. В англосаксонских поэмах упоминается о присвоении мечам собственных имен. Ср. в «Беовульфe»: «Бальмуиг», «Хрунтинг» и т. д. В «Словаре символов» Ж. Шевалье, А. Геербранта меч наряду со стрелой, лучом, колонной, дождем перечисляется в качестве наиболее распространенных символов правой руки [18].

² В статье приняты следующие сокращения древнеанглийских языковых памятников: B — Beowulf; Ch. — Anglo-Saxon Charns; Crī — Christ; Gen. — The Anglo-Saxon version of Genesis; Leech. — Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of early England; L. Eth. — Laws of King Aethelbirt of Kent; L. S. — Lives of Saints; N — An Anglo-Saxon version of the Gospel of Nicodemus; Ors. — King Alfreds Anglo-Saxon version of the compendious history of the world by Orosius; Past. — The Anglo-Saxon version of Gregory's Pastoral Care; P. N. — Pater Noster; Ps. — An Early English Psalter; R. — The Anglo-Saxon Riddles; Sal. Sat. — Salomon and Saturn.

тературы существительное *swidra* «правая рука» и прилагательное *swidra* «правый» встречаются относительно редко по сравнению с более поздними христианскими сочинениями (например, в эпосе «Беовульф» — 1 раз). Описывая свое единоборство с Гренделем, герой англосаксов Беовульф рассказывает: *He onweg losade, lytle hwile lifwunna breac hwaepre him sio swidra swade weardade, hand on Hiorte.* (В. 2096—2098) «Он на дороге скрылся (потерялся), некоторое время еще жизнью наслаждаясь, когда его правая лапа (сильная конечность) след защищала, лапа на Хеороте». В данном эпизоде особенно подчеркнута потеря Гренделем правой конечности, наиболее важной в рукопашной схватке [17]. В этой связи интересно упомянуть об обычае многих народов, по которому у убитого врага после его низвержения отрубают правую руку, как бы символизируя тем самым его полное обезвреживание [10]. О существовании такого обычая у англосаксов повествует Эльфрик в «Житиях», описывая смерть христианского короля Освальда от рук язычников под предводительством короля Мерсии Пенды: *pa het se haepena cyning his heafod of sleam, and his swidran earm and settan hi to myrcelse* (L. S. 3, 163) «Тогда приказал языческий король его голову и правую руку отрубить и установить их как трофей».

О том, как меняется с принятием христианства осмысление правой руки, можно судить из описания последующих событий. Отрубленная рука не поддается гниению, пребывая в естественном состоянии. Одержав победу над Пендой, брат Освальда переносит останки в христианскую церковь, где они выступают уже в новом качестве «святых мошей». Языческий символ правой руки как агрессивной, угрожающей в бою замещается христианским представлением о правом как «праведном» и «божественном». В Библии правая сторона рассматривается как сторона защищающая, это то место, которое будет местом избранных во время Страшного Суда, проклятые попадут на левую; левая — это направление ада; правая — рай [18]: *Fealled pe on pa wynstran wergra pusend and eac geteledra tyn pusendo on pine pa swidran* (Ps. 90. 7). «Падут после тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя». По меткому замечанию С. С. Аверинцева, «христианское сознание ощущает себя над пропастью небытия, над которой его удерживает рука бога» (десница) [19]: ср. *me pin seo swidra onfeng sysnble aet pearfe* (Ps. 62) «Меня твоя десница в нужде всегда поддерживает». С распространением письменности в англосаксонском обществе правая рука начинает ассоциироваться с новыми предметами труда, например, с тонкой тростниковой палочкой для письма. Об этом свидетельствует прочтение одной из «Древнеанглийских загадок», в которой, по мнению К. Вильямсона, речь идет как раз об этом предмете: *paet is wundres dael on sefan scarolic pain pe swylc ne conn hu mec seaxes ord and seo swidre hand eorlesingeponc and ordsomod pingum gepydan* (R. 61) «Это — удивительный кусок, в сердцевине сухой, для тех, кто не умеет [писать]. Как мне острие кинжала и правую руку, мысль человека и лезвие вещь означить (соединить)?».

Интересно, что в конце древнеанглийского периода намечается семантический переход «правильный», «праведный» (др.-англ. *ryht*) > правая рука (сторона). (Ср. значения германских форм: др.-англ. *riht*, *ryht* «истинный», «правильный», «прямой», др.-в.-нем. *reht* «прямой», «правильный».) Уже в англосаксонской версии апокрифики Никодима встречается композит *ryht-hand*, означавший праведную, богоугодную руку: *Se Haelend be daere ryththanda me genam* (N. 21) «Спаситель взял меня за правую (праведную) руку». А. Я. Шайкевич справедливо отмечает некорректность

возведения пространственного значения «правый» к чисто физическому понятию «прямой», несмотря на наличие в некоторых индоевропейских языках противопоставления «правый», «прямой» — «левый», «кривой» [9]. Таковым является славянское *regaъ* — исконно «прямой», «справедливый», «добрый», «хороший», а затем «правый», *kъmъ* — исконно «кривой», «плохой» (ср. *кривда*), затем «левый» [3, с. 179]. Из приведенного выше контекста явствует, что в древнеанглийском языке переход происходит на основе переносного значения «правильный», «истинный», «праведный», которое в большинстве индоевропейских языков часто совмещается со значением «прямой»³. По определению Л. В. Шербы, «прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [20, с. 100]. Таким образом, естественное представление о прямой связывается с ее правильностью, верностью, т. е. соответствием направлению нашего взгляда. В данном аспекте вполне можно говорить о пучке значений, имеющем психологическое основание. Вследствие этого также неправомерно рассматривать развитие значения «прямой» — «правый» как результат романского влияния [1]. Скорее можно полагать, что в данном случае постепенно реализуется тенденция, «восходящая к начальному периоду диалектального дробления общиндоевропейского языка» [9, с. 62].

В одной из своих последних работ М. М. Маковский предложил оригинальную этимологическую связь древнеанглийского *riht* «правый» с др.-англ. *rinc*, др.-сакс. *rink*, др.-исл. *rekkr* «человек; мужчина» [21]. В основе данной попытки объяснения происхождения *riht* лежит универсальный мифологический признак связи мужского начала с правой рукой (стороной).

Для выражения семантемы «правый» в памятниках древнеанглийского периода, кроме того, регистрируются так называемые гапаксы. Лексема *heahre*, встречающаяся в законах короля Этельберта, вызвала немало споров по поводу ее перевода еще в прошлом веке: *Gif heahre handa dyntes onfehþ* «Если он получит синяк от правой (?) руки» (L. Eth, 58). Ряд исследователей передает значение *heahre* как «поднятая (для удара рука)» [22, с. 507]. Однако отрицание суффикса сравнительной степени, а также причастный характер перевода находятся в противоречии с функцией слова в контексте. Как справедливо отмечает Б. Торп, более уместен перевод «правая», что подтверждается этимологически существованием древнескандинавской аналогии *h.Ogri* с тем же значением. Экстралингвистическим доказательством использования «северной формы» в раннем древнеанглийском памятнике, написанном на кентском диалекте, является то, «что большую часть населения в Кенте составляли потомки ютов» [23, с. 18]. Другой гапакс, *teso* [1, с. 684], представляет особый интерес в связи с тем, что его основа входит в ряд индоевропейских корней со значением «правый», на основании которого Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов реконструируют праиндоевропейскую форму *f_{ekW}-s- [10, с. 783].

Семантическая реконструкция протогерманской формы становится возможной как итог многих подобных частных исследований, посвященных каждому слову в каждом из древнегерманских языков. В настоящее время накоплен достаточный материал по проблеме, который уже неоднократно привлекался для семантической реконструкции [1, 7—9]. Рас-

³ Сосуществование значений «прямой — правильный» в др.-англ. *riht* и др. наблюдается в возводимых к тому же корню (и.-е. **reg*) авест. *rasta*, греч. *ορι/τα*, лат. *rectus*. Семантический переход «прямой — правильный» имеет многочисленные параллели, например, в литов. *tiesus*, тох. *karme*, алб. *dreite*.

слоение древнегерманских форм со значением «правый» является зеркальным отображением ситуации в большинстве индоевропейских ареалов, где, как правило, наблюдается их относительная однородность [10] (ср. др.-англ. *swidra*, *teso*, *heahre*, др.-сакс. *suithora*, *forthora*, др.-фриз. *ferre*, др.-исл. *h0gri*, гот. *taihswa*, др.-в.-нем. *zeso*, *ceso*). Все приведенные слова условно можно разделить на две подгруппы: 1) рефлексы праиндоевропейской формы (гот., др.-в.-нем., др.-англ.); 2) формы, содержащие суффикс сравнительной степени (др.-исл., др.-фриз., др.-англ.). Остановимся очень кратко на некоторых моментах, связанных с историей двух направлений семантической реконструкции протogerманской формы **sunn*, которые наметились в германистике. Условно назовем эти линии исследования по именам ученых, стоявших у истоков проблемы, — Лудвига [9] и Гримма [1].

Согласно первой точке зрения, поддержанной и развитой в известной работе А. Я. Шайкевича [9], протogerманская форма **sunn* со значением «южный; правый» реконструируется на основе др.-англ. *swidra*, др.-сакс. *swithora*, исходя из широко распространенной, универсальной связи правой стороны и юга, которая прослеживается во многих языках. Ср. др.-инд. *daksina* «правый; южный» и др. По мнению А. Я. Шайкевича, «можно легко объяснить происхождение германских слов со значением „южный“: др.-исл. *sunnr*, *sudr*, др.-англ. *sud* и т. д. из общегерманского **sunn*, которое, в свою очередь, восходит к тому же корню, что и др.-англ. *ge-sund* (совр. *sound*), др.-в.-нем. *gisunt* (совр. *gesund*) „здоровый; крепкий“» [9]. Вполне возможно, что германские дублеты **sunn* «правый» и **sund* «здоровый; крепкий» восходят к индоевропейскому корню **suent* «крепкий; сильный», откуда и гот. *swinps*. Значение «правый» у германских слов со слабой ступенью корня восстанавливается в данном случае как «семантическая интерполяция», подкрепляемая, однако, аналогичным развитием слов с сильной ступенью основы. Вероятно, семантическое развитие «правый» — «южный» сопровождалось формальной дифференциацией: значение «правый» связывалось с сильной ступенью корня, значение же «южный» со слабой ступенью [9, с. 70]. Предлагаемый «сценарий» развития значений не является совершенным в силу следующих причин: во-первых, в нем не отражено присутствие в древнегерманских языках общиндоевропейских форм, во-вторых, недостаточно обоснован выбор исходной формы реконструкции и, в-третьих, не объяснено ее своеобразие (сравнительная степень).

Другая точка зрения на реконструкцию праформы «правый» намечается в вышеупомянутой работе Я. Гримма [1]. Хотя автор преследовал в ней совсем иные цели, но ему удалось показать тенденцию расслоения древнегерманских форм. Среди важных выводов Гримма необходимо упомянуть констатацию преобладания общеиндоевропейских форм, представленных готской, древневерхненемецкой и древнеанглийской лексемами (*taihswa*, *zeswe*, *teso*). Кроме того, исследователем выделяются те германские диалекты, где данные формы не прослеживаются (др.-сакс, др.-фриз., др.-исл.) [1]. Из этих наблюдений прямо вытекает (самим Я. Гриммом не сформулированное) утверждение о близости праиндоевропейской и протogerманской форм. В результате упрощается объяснение многих процессов, имевших место в период общегерманского единства. Например, древнегерманская дихотомия «общиндоевропейские рефлексy»/ «формы с суффиксом сравнительной степени» изначально не существовала. Лексемы, образованные от форм сравнительной степени, интерпретируются как эвфемизмы, которые заменили реконструируемую протogerманскую форму **teso* уже

в период самостоятельного существования германских языков.[^] Табуирование протогерманской формы «правый» вполне могло быть вызвано характерным для древнегерманской культуры представлением об этой руке (стороне) как «агрессивной» и «угрожающей» (см. приведенные примеры из древнеанглийских памятников).

Семантическая мотивировка древнеанглийского наименования левой руки *winestra* отчасти проясняется на синхронном уровне, благодаря родству с древнеанглийским существительным *wine* «защитник, друг, покровитель» (ср. типичное обращение к лицу, оказывающему помощь: *min wine* «мой защитник»). Левая рука, держащая щит, соответственно осмыслялась как «защищающая». *Winestra* также сближается с двумя латинскими формами: с одной стороны, *venus* «грация; любовь», а с другой — *sinester* «левая». Семантическая связь «левая» — «женская» — «прекрасная» — «защищающая» является доминирующей во многих культурных традициях, начиная с верхнего палеолита (ср. авест. *vata* «левая; прекрасная»). Известны запреты использовать левую руку для обычных действий, связанные с направленным воспитанием праворукости во всех обществах (в частности, обязательное предписание держать оружие в правой руке), что имело своим следствием выделение левой руки как священной [14, с. 44]. Отсюда становятся понятными истоки древнегерманского мифопоэтического мотива происхождения людей под левой рукой мифологического человека Мира [24]. Родство между прилагательными — др.-англ. *winester* и лат. *sinester*, — впервые отмеченное Гриммом как «соприкосновение форм путем замены w на s», проявляется через присутствие суффикса сравнительной степени **tero*, которому в данных лексемах предшествует также суффикс сравнительной степени **ies*. Индоевропейский суф. **tero*, как показал А. Мейе, «первоначально указывал лишь на противопоставление двух понятий, а лишь впоследствии приобрел значение суффикса сравнительной степени [25, с. 282] (ср. греч. *Ssfi-spo*; от *SsCtoc*). Поэтому в перечисленных индоевропейских словах наличии суф. **tero* прямо обусловлено семантическими процессами развития значений «правый» и «левый». Не случайно и то, что перечисленные слова со значением «левый» содержат суф. *-*ies*. Поскольку эти слова были эфемизмами, постольку их положительная окраска должна была быть по возможности усилена. Суф. **tero* присоединяется не к положительной, а к сравнительной степени прилагательного (не просто «хорошая рука», но «лучшая рука»). Совершенно прозрачен этот семантико-морфологический процесс в греч. *ipToTpa* «левая», производном от *apio-* «лучший», которое используется как превосходная степень *ay#&6*; «хороший» [У, с. 66—67]. В общем приводимое здесь семантическое представление довольно традиционно, оно отвечает взглядам, изложенным в работах Я. Гримма, Ф. Хоопса, А. Я. Шайкевича.

Подчиненность левой руки правой в новой системе ценностей неоднократно подчеркивается в разных христианских сочинениях [19]: поэмах «Христос», «Елена», «Гудлак», в переводе Альфредом «Обязанностей пастыря» папы Григория: *Eft be daem ilcan cwaed se psalmsceop: «Gehaele me din sio swidre. We cwaedm ne non /lIm sio winestre hond»* (Past. 388). «Снова о том же говорит псаломщик: „Пусть правая рука спасет меня“. Он не говорит „левая рука“. В поэме «Соломон и Сатурн» для обозначения левой стороны встречается эпитет *wyrzan* с прозрачной внутренней формой «худшая»: *Oddaet he gewindend on da wyrzan hand* (Sal. Sat. 328, 498) «До тех пор как он не повернулся в худшую сторону». Такая ассоциация значения левого с «неблагоприятным», «дурным», «отрицательным» может счи-

таться некоторой семантической универсалией, характерной для семантической системы языка вообще [10, II, с. 785]. Неслучайно в начале среднеанглийского периода происходит семантический переход «слабый» (ср. др.-англ. *lyft*) — «левый»⁴. В целом в древнегерманских языках наблюдается почти полное единообразие в лексических средствах выражения данного понятия (ср. др.-англ. *winestra*, др.-сакс. *winistro*, др.-фриз. *wlnstera*, др.-в.-нем. *winstera*, др.-исл. *vinstri*, но гот. *hleiduma*). Причина такой однородности, возможно, заключалась в положительной мотивировке этих лексем, которая гарантировала их устойчивость. Кроме того, сравнение, например, древнеанглийских форм *swidra* и *winestra* свидетельствует о принадлежности их семантических мотивировок к разным хронологическим слоям. Если первая эксплицитно относится к древнеанглийскому периоду, на что указывает очевидная словообразовательная связь, то вторую можно отнести к индоевропейскому временному пласту, тем самым обосновывая вероятную принадлежность слова к общегерманскому периоду, где «индоевропейские мотивировки составляли резерв для формирования значений древнегерманских лексем» [26]. Все это позволяет убедиться в возможности реконструкции протогерманской формы **winistero*, которая, по всей видимости, была основным лексическим средством для выражения понятия «левый»⁵.

Резюмируя сказанное, необходимо упомянуть о целесообразности обращения к таким ключевым моментам в развитии культуры, когда сталкиваются две системы идей (или даже двух противоположных мировоззрений), пользующиеся, однако, одним и тем же языком» [27, с. 184]. Функционирование лексем *swidra* и *winestra* в контекстах англосаксонских христианских поэм кардинально расходится с семантическими мотивировками данных слов, что не является препятствием к их употреблению на протяжении всего древнеанглийского периода. Однако впоследствии происходит замена данных слов на новые, мотивированные в рамках закрепившегося христианского мировоззрения.

Традиционно лексемы «правый» и «левый» рассматриваются в исследованиях по локальному дейксису — проблеме, непосредственно восходящей к вопросам пространственной ориентации. По этому поводу Дж. Лайонз пишет: «Человек мобилен, и он может свободно вращаться на горизонтальной плоскости. Но он является асимметричным в одном из двух горизонтальных измерений и симметричным в другом: у него есть „перед“ и „спина“ и две симметричные стороны (правое и левое.— П. С.) ... С лингвистической точки зрения симметричному измерению „правое“ — „левое“ следует отвести третью позицию, т.к. эта координата является „менее выдающейся“ по сравнению с измерениями „верх“ — „низ“, „перед“ — „спина“» [28, с. 690—693]. Тем не менее во все времена люди рассуждали противоположным образом, полагая, что знание стороны не только способствует правильной ориентации, но и открывает путь к сакральной сущности, предсказанию. Оценка Лайонза не учитывает отношения к различию сторон самого говорящего субъекта, имеющего особую физиологическую природу, а ведь сам «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка, в соответствии с ним язык и должен изучаться» [29, с. 15]. В этой связи приведем высказывания двух ученых — Канта и Вернадского — сделанные по этому поводу, с промежутком в два столетия: «Так как для суждения

⁴ Требуется дополнительной проверки возможная связь англ. *left* «левый» с женским началом (др.-англ. *hlaefdige* «женщина») [21].

⁵ Гот. *hleiduma* является кельтским заимствованием (др.-ирл. *cle* «левый»).

• о направлениях в высшей степени необходимо различным образом чувствовать правую и левую сторону, то природа связала это чувство с механизмом человеческого тела, посредством которого одна, а именно правая, сторона несомненно превосходит левую в ловкости, а может быть даже и в силе» [30, с. 371]. «Законы симметрии, выведенные на основании изучения кристаллов, резко нарушаются в живых естественных телах... Резкое проявление левизны в материальном субстрате живого вещества и правизны в его функции указывает, что пространство, занятое живым веществом, может не отвечать евклидовой геометрии» [31, с. 62—63].

Как известно, значение базовых пространственных терминов «правый» и «левый» не может быть описано в виде стандартной словарной статьи, в которой оно было бы разложено на элементы, поскольку определить эти слова в более элементарных терминах невозможно [32, с. 254]. Ср. в древнерусском *правый* и *десный* «противоположный левому» и прилагательные *лвѣый* и *шуи* «противоположный правому» [33]. Однако тот факт, что они неопределяемы, не означает, что они элементарны [32]. Принципиальную роль в различении правого и левого играет выбор так называемого дейктического центра, т. к. в полной мере их значения раскрываются только в конкретной ситуации. Например, из контекста *paeg stent cwen pe on pa swidran hand* «по правую руку стояла королева» ясно, что королева находится справа от субъекта, служащего точкой отсчета в определении ее местонахождения. Исходный центр может закрепляться за королем, другим участником ситуации. Но иногда возникает противоречие в выборе соответствующего ориентира. Так, например, предложение *Гребки к правому берегу* может быть понято двояко, если лодка движется вверх по течению [9]. Двойственность в интерпретации данной знаковой ситуации возникает ввиду того, что такие понятия, как «слева» vs. «справа», могут соотноситься как с «относительной», так и с «абсолютной» точками отсчета. В некоторых случаях, для повышения точности ориентации семантемы «правый» и «левый» выражаются при помощи лексем, связанных с конкретным дейктическим центром. Ср. во французской театральной терминологии название правой и левой кулис *cote cour* (букв. «сторона, где двор») и *cole jardin* (букв. «сторона, где сад»).

В древнеанглийском языке для описания местоположения «справа» и «слева» использовались локативные конструкции *on pa swidran hand* (*healf*) «на правую сторону», *on pa winestran hand* (*healf*) «на левую сторону». При этом в качестве точки отсчета, как правило, бралась телесная сущность: человек, животное, растение. В этой связи допустимо говорить о своеобразном явлении, которое, во всяком случае, отражено в памятниках.— • антропоморфном дейксисе, т. е. ситуации, когда указание местоположения зависит от природы объекта, выступающего в качестве дейктического центра. Если им служит существо, наделенное телесной организацией, то используются вышеприведенные конструкции. Если нет, то употребляются иные лексические единицы⁶. Это, естественно, обусловило множественность форм локального дейксиса. Так, существовало две группы лексем для выражения отношений «справа» и «слева» в зависимости от передвижения по суше или морю. Любопытно, что подобная двойственность, но в семантическом плане была присуща и объективному дейксису применительно к морской и сухопутной ориентации. Исследование родовых саг показало, что одна система была связана с описанием плаваний в открытом море и основана на достаточно точных наблюдениях звезд-

ного неба, вторая служила для характеристики движения по суше [34]. В первой системе направления реальные и обозначаемые терминами *nordr, sudr, vestr, austr* («север, юг, запад, восток») совпадают. Во второй центром ориентации является административный центр каждой из четвертей (Исландия делилась на административные четверти) и направления движения определяются относительно него, а не сторон света, т. е. при движении из Западной четверти в Северную направление обозначалось как северное, хотя реальным было северо-восточное или восточное [35, с. 33]. Видимо, сходные принципы ориентации отражаются и в древнеанглийских эпических сочинениях. Во всяком случае некоторые контексты, рассматривавшиеся как ошибочно воспроизведенные переписчиком, находят вполне адекватное объяснение, исходя из вышеприведенных условий. Например, следующий отрывок из «Беовульфа» указывает на необязательность обозначения места восхода солнца как востока. Вследствие особенностей сухопутной ориентации оно могло означаться как южное: *Sippan morgenleoht, sunne sweglweard sup an seined* (B. 604—606) «С рассвета солнце на небе с юга сияет».

Напрашивается интересная параллель со скандинавскими географическими трактатами, где, например, центром ориентации «является южная часть Скандинавского полуострова, и все земли, как бы они реально ни располагались по отношению к Скандинавии, считаются лежащими к востоку, если путь к ним идет через Восточную Прибалтику и Русь (например, Византия, Палестина), или находящимися на севере, если путь проходит через северную часть Скандинавского полуострова» [35, с. 33].

Выбор лексических средств для выражения местоположения «справа» и «слева» связывается с двумя типами локального дейксиса: субъективным и опосредованным. В сухопутной ориентации, как правило, используются указания, соотносящиеся с субъектом *Glf þu faerst to paere winestran healfe, ic healde þa swidran healfe* (Gen. 13, 9) «Если ты пойдешь налево, я буду держаться правой стороны».

В описании перемещения по морю мера точности увеличивается, т. к. дейктический центр закрепляется за кораблем, а не за субъектом, что выражается на лексическом уровне использованием названий правого и левого борта. Номинация правой стороны как *steorbord* (букв. «управляющий борт») была связана с конструктивной особенностью средневекового корабля, т. к. там обычно размещался рулевой с веслом управления. Противоположный левый борт находился за стеной рулевого, что и отразилось в его названии *baecbord* (букв. «задний борт») [36]. Локативные конструкции *on þe steorbord* «справа», *on þe baecbord* «слева» относятся уже к опосредованному дейксису, т. к. точкой отсчета является ориентир, не совпадающий с субъектом. При таком указании оценка местоположения не зависит от говорящего, что сделало данные выражения исторически наиболее удобными для морской ориентации. Хотя в древнеанглийских памятниках данные словосочетания встречаются преимущественно в переводном географическом трактате Орозия, но, как полагает большинство исследователей, те места, в которых они приводятся, принадлежат к оригинальным вставкам, приписываемым королем Альфреду. Как пишет К. Малоун, перевод «Орозия» отличается большой смелостью в интерпретации текста. Альфред мог не только опускать части текста, но и вставлял дополнительные описания. Таким образом, географическая глава в «Орозии» показала ему недостаточно полной, когда речь шла о Германии и Скандинавии. И он сделал знаменитую вставку о путешествиях Охтхере и Вульфстана [37, с. 98]. Ср.: *He let him ealne weg þæt weste land on þæt*

steorbord (Ors. 1. 1.) «На всем пути у него справа была пустыня»; *Bug-genda land waes on baecbord* (Ors. 1.1.) «Бургундская земля была налево».

Итак, в древнеанглийском языке лексические средства выражения понятий «правый», «левый» варьируются не только вследствие диалектных различий, но и специфики их применения.

Исследования роли понятий «правый», «левый» в лингвокультурных традициях, как правило, опираются на их связь с иными бинарными противопоставлениями и их лексико-семантическими и мифологическими сущностями типа «мужской — женский», «старший — младший», «верхний — нижний» и т. д. [16, 3]. К настоящему времени данная система основных признаков апробирована на обширном материале. Однако необходимо подчеркнуть и выявившуюся в настоящее время узость бинарного подхода. Несмотря на то, что черты универсальности определены достаточно четко, «в каждой традиции имеются ситуации, в которых отдельные бинарные оппозиции наполняются особым содержанием» [3, с. 179]. При исследовании отдельной, единичной системы бинарных оппозиций, в данном случае англосаксонской, следует отметить тот факт, что связь парных противопоставлений внутри системы определяется косвенным путем через анализ контекстов древнеанглийских памятников.

1) «Правый — левый : почетный — непочетный». У англосаксов роль «правой руки» и соответственно «правой стороны» под воздействием христианских представлений начинает определяться как более значительная и почетная по сравнению с левой. В древнеанглийских (оригинальных и переводных) поэмах, где христианские теологические воззрения трансформируются в представление о так называемой «Троице Новозаветной», Христос описывается как располагающийся справа от Отца: *Paet du on heahsetle heafena rices sited sigehraemig on da swidran hand dinum godfaeder* (P. N. 233/39—42) «Ты на троне небесного царства сидишь триумфально по правую сторону от твоего отца». Разумеется, прилагательное *swidra* приобретает в данном контексте метафорический оттенок, являясь уже некоей нравственно-этической категорией, а не пространственным термином.

2) «Правый — левый : небесный — земной». Символика левого — земного, тленного противопоставляется правому — вечному, божественному: *On his swidran handa waere lang lif, and on his winestran waere wela and wyrdmyht* (Past. 389) «По правую руку была вечная жизнь, по левую — богатство и честь».

3) «Правый — левый : позитивный — негативный». Ассоциация правого с благоприятным исходом находит отражение в древнеанглийском заклинании пчелиного улья, где в инструкции по поводу отроившихся пчел возле дома указывается на обрядовые действия, выполняемые правой рукой и ногой: *Nim eoeran oferweorp mid pinre swidran handa under pinum swidran fet* (Ch. 319) «Возьми землю правой рукой, брось под правую ногу». Связь левого с «неблагоприятными» явлениями: неудачным исходом гадания, лжесвидетельством, кражей прослеживается во многих традициях. В заговоре против кражи на древнеанглийском языке также рекомендуется «обратиться» к левой стороне: *Ponne pe man hwaet forstele awrit pis swigende and do on pinne winstran sco under pinnen ho ponne geac-faxt pu hit sona* (Ch. 396) «Когда кто-то украдет что-то, напиши это в тишине и положи это в твой левый башмак под каблук, тогда ты вскоре услышишь об этом».

4) «Правый — левый : здоровый — больной». Для излечения от недуга дается совет дотронуться до носка правой ноги: *Nim ponne swydran'f...*

/ *pus cwaed: on naman paer lifigenden goder ic pe nime to laecedome* (Leech., 329) «Возьми тогда носок правой ноги и так скажи: от имени живущего бога я прикасаюсь к тебе для излечения». В другой рекомендации по избавлению от жара требуется воздействие на неблагоприятную сторону, что мотивируется, вероятно, ее особым влиянием на состояние организма: *Gif haeto oppe meht ne pyrne laet him blod on dam winestran earmre of paere uperran aedre* (Leech., 254—255) «Если жар, и нет сил его выносить, выпусти кровь из верхней вены левой руки». В то же время связь мотива излечения левой рукой восходит к более древнему представлению о ее особом воздействии, т. к. последняя обычно не использовалась так часто, как правая, в производственной деятельности. Отсюда все, что совершалось ею, приобретало специфическую значимость. Заметим, что бинарный подход несколько затемняет специфику левого как «благоприятного», но в особое, критическое, сакральное время, связанное с негативными явлениями. Так, например, в магических предписаниях, приводимых в англосаксонском лечебнике, рекомендуется вырывать корень и срезать листья левой рукой [38, с. 223]. Однако при этом возникает связь с еще одним ранее упомянутым мотивом-похищением. Так как собирательство рассматривалось как воровство у Земли, то ассоциация левой руки с пресуплением здесь закономерна.

Иногда последовательность сакрального действия слева направо связывается не с особым осмыслением той или другой стороны, а с подражанием движению солнца по горизонту [18]. Ср. мотив обновления, который отражается в русском представлении: «Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое — стал молодец молодцом». Аналогично в древнеанглийском заговоре рекомендуется избавиться от опухоли: *Man secal singan aeres on paet wynstre eare, paenne on paet swidre eare* (Ch., 326) «Пропеть следует сначала в левое ухо, потом в правое». Ограниченность перечня рассмотренных оппозиций четырьмя связями определяется фрагментарным характером анализируемого материала [39], а также филологическим принципом его анализа. Если бы привлекались данные этимологии и социокультурных исследований, то число бинарных оппозиций, регистрируемых в англосаксонской традиции, существенно бы возросло (ср. «мужской — женский», «прямой — кривой», «хороший — плохой» и т. д.).

Функционирование семиотических бинарных оппозиций ограничивается контекстами преимущественно сакральной тематики: заговорами, молитвами, лечебными рецептами. Совсем не представлены указанные оппозиции в эпосе, географических трактатах, исторических хрониках, что свидетельствует об определенной «лимитированности и устойчивости границ функционирования рассмотренных представлений» [3, с. 182].

Комплексный анализ семантики «правый», «левый» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре, проведенный при помощи филологического метода, позволяет наряду с описанием истории слов вскрывать причины изменения в их значении, вызванные сменой форм общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. Bd 1—2. Leipzig, 1848.
2. Топоров В. Я. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
3. Толстой Н. И. О природе бинарных противопоставлений типа правый — левый, мужской — женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
4. Рей А., Далесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.
5. Busse P. Historische Semantik. Analyse eines Programme. Stuttgart, 1987.

6. Феоктистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.
7. Fick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. III. Göttingen, 1909.
8. Hoops F. «Right» and «left» in Germanic languages// *Etudes germaniques*. 1950. № 3.
9. Шайкевич А. Я. Слова со значением «правый» и «левый» (опыт сопоставительного анализа) // Уч. зап. Г. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. 1960. Т. XXIII.
10. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II. Тбилиси, 1984.
11. Cuillandre J. La droite et la gauche dans les poemes homeriques en concordance avec la doctrine pythagoricienne et avec la tradition celtique. Paris; Rennes, 1944.
12. Тацум К. Соч. Т. I. Л., 1969.
13. Klier M. L. The Anglo-Saxon weapon names treated archeologically and etymologically. Heidelberg, 1906.
14. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 43—44.
15. Иванова В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы: Древний период. М., 1965.
16. Иванова В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
17. Hoops J. Kommentar zum Beowulf. Heidelberg, 1932.
18. Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles. Mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. P., 1982. P. 369—371.
19. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
20. Шерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // ИАН ОЛЯ. 1940. № 3.
21. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
22. Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon dictionary. L., 1898.
23. Ancient laws and institutes of England. V. 1. L., 1831.
24. Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd I. Göttingen, 1844.
25. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
26. Топорова Т. В. Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
27. Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
28. Lyons J. Semantics. V. 2. Cambridge, 1977.
29. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
30. Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Кант И. Соч. Т. 2. М., 1964.
31. Вернадский В. И. О состояниях физического пространства // Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1975.
32. Джонсон-Лэрд Ф. Процедура семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М., 1988.
33. Михайловская Н. Г. Прилагательные *правый*—*десный*—*лѣвый*—*шуи* в русском языке XI—XVII вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
34. Haugen E. The semantics of Icelandic orientation // *Word*. 1957. V. 13. № 3.
35. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
36. Whittaker O. O such language! South California, 1969. P. 60.
37. Malone K. The Middle Ages (to 1500) // *A literary history of England*. V. 1. N. Y., 1948.
38. Bonser W. The medical background of Anglo-Saxon England. L., 1948.
39. Ярцева В. Н. История английского литературного языка. IX—XV вв. М., 1985.